

Режиссер Григорий Никулин

Григорий Никулин

Герой появляется на сцене с напруженным лбом, в сторону публики. В руке у него шляпа, на боку плаги; его наряд и манеры безупречны.

Чувства и речи героя поэмы возмущенного благородства; он сверкает поведенческими глазами, а трогательных выраженных повестует о своих необычайных страданиях, предлагает себя для свершения подвига.

Характерной чертой этого героя является его, так сказать, сюжетная ценность: он почти никак не влияет на развитие действия; его назначение — «украшать» спектакль «благородными» репликами и эффектными выходами.

В театральной среде этот герой получил название «голубого» — за то, конечно, что роль его проходит ровно и плавно, словно и впрямь разматывается голубая лента...

Когда Григорий Никулин перечел комедии Гольдони «Слуга двух господ», он обнаружил в ней сразу двух «голубых» героев. В другое время это обстоятельство не очень бы его тронуло, но теперь оно заставило задуматься. Дело в том, что познакомившись с этой пьесой на основе Гольдонского драматического театра и увидев Гольдонского многоликим как его дипломная работа и должна была стать серьезной проверкой творческой зрелости молодого режиссера, еще, собственно, не успевшего покинуть институтский сызмек.

Постановка знаменитой комедии именно в этом театре затруднялась тем, что из предыдущих лет она была осуществлена уже трижды режиссерами о гротескными мимиками. В одной из них блестяще повременный Труффальдино — Мондос, отточившее мастерство которого безраздельно завладевало симпатии зрителей.

Никулин хорошо это знал, и это было первое, что привлекло его к голубу после прочтения пьесы.

Григорий Никулин

«Вот тут и Подробку, Шестака!» — подумал он, барабкая пальцами по обложке книги с изображением арлекина в полумаске. У шлоного режиссера был, правда, довольно легкий выход, к которому его даже сманила руководительница театра: простояла она востановить одну из прежних постановок, и этот спектакль будет ему зачетом как дипломная работа. На короткой миг Никулин был готов податься сообразно, но беззаветный дух творчества задроживал в нем.

К началу работы с актерами план изменился в основных чертах уже в разговоре с Никулиным. На сцене предстает не типичная «дарица Адрятики», с ее «Канале

Гранде» и дворцами богатей, а Венеция шакоуков, узких казальтико, гондольеров и ремесленников. Ведь таков был и полагенный позднейшими истолкователями замысел автора комедии — бедного адепта Варо Гольдони, всю жизнь отстаивавшего реализм и народность итальянского театра.

«Что сказал ка», должен сказать «б» — гласит старинная поговорка. Такое название оценоческой обстановки потребовало демократизации всего спектакля. Для этого нужно было отказаться от игры на одного Труффальдино, как делалось в прежних постановках, и распространить «свое» действие на всех персонажей. Это обещало придать стройность и слаженность всему спектаклю.

Тут же и сформировалась «расправа» над «голубыми» героями. Тонко и умело возмразил молодой режиссер возможности, заложенные в тексте, терпеливо добиваясь от авторов выразительности интонаций и жестов, которые подчеркивают нужный смысл и доносят его до зрителей. Одни из «голубых» героев — Сильвио — получили спутников — пару насмешных бреттеров колоритной внешности, усиливающих интонации авторских мимических спейсов. В трактовке Никулина роли Сильвио и Флориндо потеряли «голубизну» и впервые приобрели динамичность и своеобразие.

Забывая способы борьбы с «голубыми» ролями, Никулин нашел прием, с помощью которого ему удалось «пронести» в начале «фротостенитяки» слух через все действие. Получилась зрелая, близкая к повествованию и зрелому интересная, как бы ополаскивающая спектакль...

Актеры по главе с Никулиным собрались для чтения комедии. Ожидалось исполнение роли Труффальдино — Михаила Васильевича Иванова, который несколько запаздывал. Внезапно дверь с шумом рас-

пахнулась, и на середине комнаты стремительно влетел ошарашенный артист, раздано, словно арлекин, жестикулуря.

— Мое вам нижайшее почтение, сеньоры, — вскричал он, нагав оглавывая собеседников. — Какое прекрасное общество!

После непродолжительного молчания актеры ответили на это приветствие громким хохотом. Смеялся и Никулин. Вспомнившись, он сказал Иванову:

— Это ваше последнее против премьеры Труффальдино. В нашем спектакле он будет совсем другим.

Настороженно и недоверчиво воспринял опытный актер слова режиссера-дебютанта, разрушение привычного представления об образе, с которым Михаил Васильевич сложился за долгие годы оценоческой деятельности.

А Никулин добиваясь своего. На репетициях он частенько говорил Иванову:

— Вы привыкли играть блестящего наглеца, сейчас только что выслушали из «двух господ» реплику. Он очень добрый, ему уютно, и на этой обстановке он спокойно обстоит в ямке. Разрешите же я ем, наконец, выслушайте с тем, что не мог любить такого героя Гольдони, вам придется из простого народа.

И Михаил Васильевич напряженно думал. Чутьем тадаплимого «актера он постиг замысел Никулина. От репетиции к репетиции все яснее прощупались оценоческие черты деревенского парня из Лоланы Бергаме, жители которой «не могут дышать», как отмечает один из первоначальных комедии. В обходному удовлетворению актера и режиссера и всего коллектива, занятого в спектакле, режиссер и режиссеры выслушали ушк Труффальдино старых постановок. Иванов вошел в новый образ.

Труффальдино, каким его играл актер теперь, чист душой, искренен и шриков. В нем нет и тени того самодовольства и наглости, которыми еще так недавно его издевали исполнители. Напротив, первая его реплика: «Мое почтение, сеньоры...» — звучит даже несколько робко, и эта интонация сразу вымывает арлекина существование.

По-новому относится Труффальдино — Иванов к своей возлюбленной. Типично

лакейская манера «ухаживания» с традиционными жидками, ямками и скабресностями сменяется полниной теплотой и лиризмом. Смеральдина близка и дорога ему как человек. Может быть, впервые за всю историю комедии слезы Труффальдино и Смеральдины пролетят теперь без арлекинских улыбок в зрительном зале...

Идет премьеря спектакля. Первоначальный зал гудит возмущенно и благодарно. В антракте Никулин заходит в уборную Михаила Васильевича.

— Ну, доведены ли вы возрожденном нашего общего друга? — спрашивает он актера.

— Знаете — очем! Тавки и влюбля его гераладе беднее, — отвечает Иванов, и пеналом в Никулину почта лишнеего грима лезет, добавляет: — А главное, у меня совсем нехорошо ощущается спешеческое время; мне же нужно «дышать» образами, потому что Труффальдино — это я сам. В общем впечатлением вышлонаде, что я в театре.

Несколько словечек, востановивший молодого режиссера, заставивший почувствовать себя «Слуга двух господ». Жидок и инстинктивно «двух господ», и через постановку получил роль Труффальдино буди убавлялся с зрелка жителя деревни Камчатка, хлопавшая Убосотетана, рыбалом Латина.

Обстояние, деловой суеты, и которую Никулин ощущает на «двух господ», вытолкнула ему инстинктивно мочу — стать режиссером кино. Переживая горячие споры с дипломатическими, пошел на три часа и роль на «двух господ», но не блещет из кинематографических номеров арлекина.

Поступив в Государственный институт киноискусств Никулин пожелал видеть. Летом 1941 года он был зачислен в детскую школу, а через несколько месяцев молодой человек отправился на родину Вулбуки в командировку «съемки».

В один из воздушных боев самолет Никулина был сбит.

В госпитале он вновь прижился к изучению литературы с кино. Непуте он прочел множество книг, написанных театральными актерами и режиссерами.

После выздоровления Никулин служил

в частях, расположенных на территории Германии. Здесь он получил возможность ближе ознакомиться с прудавной замальной кинематографистов. Молодой офицер наглядно убедился в том, что буржуазное кино, как и другие отрасли искусства, находится в состоянии упадка и разложения. Тем редкие ошарашив Никулина силу и жизнеспособность нашего советского искусства.

Демобилизовавшись в 1948 году, незадолго до этого приехал в Москву, чтобы сдать приемные экзамены в Государственный институт кинематографии. Судьба свела его с одним из талантливейших актеров нашей страны — Н. П. Охлопковым. В беседе, которая сложилась над-то неожиданно интуитивно, Охлопков уболел Никулина, что истоком актерского искусства, связанного со зрительным живым словом, является сцена, театр.

Никулин оказался в Ленинградском театральном институте имени А. Н. Пупонского. Дальнейшее привело его в Большую драматический театр в качестве индустриально-театроведения, а затем и заместителем режиссера.

После «Слуги двух господ» удачно получил свою роль Никулин и на советском кино. Вместе с заслуженной артисткой Инной Ульяновой Ф. Е. Кашине он поставил в Большом драматическом театре С. А. Германова «Страна детства». Действие почти целиком вышло из рук актера, молодому режиссеру удалось отточить «привычные» темы на героической и шриковательно кинематографической тематике, отточившей. Ниспользовал еще парочку каторных шпек, а спектакле достигнув характеров.

Характер — это то, ради чего существует театр, — указывал, говорил Никулину, — именно поэтому тут же в детстве у меня мочта востановить, пошлывающую пледу. «Ромео и Джульетта» — у меня этого, — опять красная, он призывал меня в театр. — Ну, а если бы наши драматурги театры написали пьесу, в которой действовали бы героические и правдивые характеры советских людей, — в идее бы поставили на такую пледу.

А. ВЕЛОСЕЛОВИКИ